

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

ВЛАСТЬ ТЬМЫ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. ТОМ 26

Весь Толстой в один клик

Лев Толстой

**Полное собрание сочинений.
Том 26. Произведения
1885–1889 гг. Власть тьмы**

«Библиотечный фонд»

1886

Толстой Л. Н.

Полное собрание сочинений. Том 26. Произведения 1885–1889
гг. Власть тьмы / Л. Н. Толстой — «Библиотечный фонд»,
1886 — (Весь Толстой в один клик)

Содержание

Лев Николаевич	5
Предисловие к электронному изданию	6
ВЛАСТЬ ТЬМЫ	8
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ.	9
ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ.	38
ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ.	65
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Лев Николаевич Толстой Власть тьмы

Государственное издательство
«Художественная литература»
Москва – 1936

Электронное издание осуществлено компаниями [ABBY](#) и [WEXLER](#) в рамках крауд-сорсингового проекта [«Весь Толстой в один клик»](#)

Организаторы проекта:

[Государственный музей Л. Н. Толстого](#)

[Музей-усадьба «Ясная Поляна»](#)

[Компания ABBY](#)

Подготовлено на основе электронной копии 26-го тома Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленной [Российской государственной библиотекой](#)

Электронное издание 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого доступно на портале www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 26-му тому Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого можно прочитать в настоящем издании

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928—1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и *координации* Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией ABBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы ABBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры *тома и отдельные произведения* публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

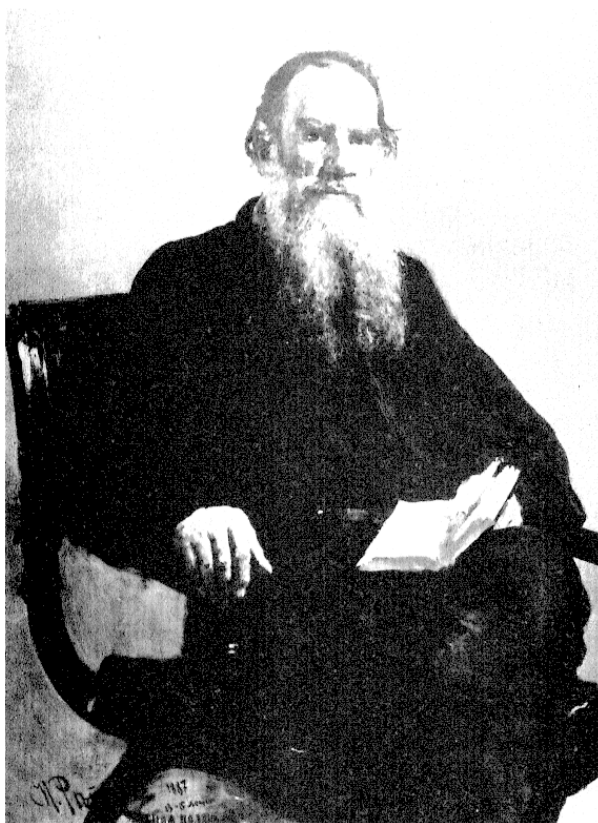
В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

*Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»
Фекла Толстая*

Перепечатка разрешается безвозмездно.

—

Reproduction libre pour tous les pays.

Л. Н. ТОЛСТОЙ.
1887 г.
Портрет работы И. Е. Репина.

ВЛАСТЬ ТЬМЫ

ИЛИ „КОГОТОК УВЯЗ, ВСЕЙ ПТИЧКЕ ПРОПАСТЬ”

ДРАМА В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

А я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем.

Если же правый глаз соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше, чтобы погиб один из членов твоих, а не всё тело твоё было ввержено в геенну.

Мф. V, 28, 29.

ЛИЦА ПЕРВОГО ДЕЙСТВИЯ.

Петр – мужик богатый, 42-х лет, женат 2-м браком, болезненный.

Анисья – его жена, 32-х лет, щеголиха.

Акулина – дочь Петра от первого брака, 16-ти лет, крепка на ухо, дурковатая.

Анютка – вторая дочь, 10-ти лет.

Никита – их работник, 25-ти лет, щеголь.

Аким – отец Никиты, 50-ти лет, мужик невзрачный, богобоязненный.

Матрена – его жена, 50-ти лет.

Марина – девка-сирота, 22-х лет.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ.

Действие происходит осенью в большом селе. Сцена представляет просторную избу Петра. Петр сидит на лавке, чинит хомут. Анисья и Акулина прядут.

ЯВЛЕНИЕ I.

Петр, Анисья и Акулина. *(Последние поют в два голоса.)*

Петр *(выглядывает из окна).*

Опять лошади ушли. Того и гляди, жеребенка убьют. Микита, а Микита! Оглох! *(Прислушивается. На баб:)* Будет вам, не слышать ничего.

Голос Никиты с надворья.

Чего?

Петр.

Лошадей загони.

Голос Никиты.

Загоню, дай срок.

Петр *(качая головой).*

Уж эти работники! Был бы здоров, ни в жисть бы не стал держать. Один грех сними... *(Встает и опять садится.)* Микит!.. Не докличешься. Подите, что ль, кто из вас. Акуль, поди загони.

Акулина.

Лошадей-то?

Петр.

А то чего ж?

Акулина.

Сейчас. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ II.

Петр и Анисья.

Петр.

Да и лодырь малый, нехозяйственный. Коли повернется, коли что.

Анисья.

Сам-то ты больно шустер, с печи да на лавку. Только с людей взыскивать.

Петр.

С вас не взыскивать, так в год дома не найдешь. Эх, народ!

Анисья.

Десять делов в руки сунешь, да и ругаешься. На печи лежа приказывать лёгко.

Петр (*вздыхая*).

Эх, кабы не хворь эта привязалась, и дня бы но стал держать.

За сценой голос Акулины.

Псе, псе псе...

(Слышно, жеребенок ржёт, и лошади вбегают в ворота. Ворота скрипят.)

Петр.

Бахарить – вот это его дело. Право, не стал бы держать.

Анисья (*передразнивая*).

Не стану держать. Ты бы сам поворочал, тогда бы говорил.

ЯВЛЕНИЕ III.

Те же и Акулина.

Акулина (*входит*).

Насилу загнала. Всё чалый...

Петр.

Микита-то где ж?

Акулина.

Микита-то? На улице стоит.

Петр.

Чего ж он стоит?

Акулина.

Чего стоит-то? Стоит за углом, калякает.

Петр.

Не добьешься от нее толков. Да с кем калякает-то?

Акулина (*не расслышав*).

Чего?

(Петр махает на Акулину рукой; она садится за пряжу.)

ЯВЛЕНИЕ IV.

Те же и Анютка.

Анютка *(вбегают. К матери).*

К Микитке отец с матерью пришли. Домой берут жить, одна дыхнуть.

Анисья.

Врешь?

Анютка.

Пра! сейчас умереть! *(Смеется.)* Я мимо иду, Микита и говорит: прощай, говорит, теперь, Анна Петровна. Приходи уж ко мне на свадьбу гулять. Я, говорит, ухожу от вас. Смеется сам.

Анисья *(к мужу).*

Не больно тобою нуждаются. Вон он и сам сходить собрался... «Сгоню!», говорит...

Петр.

И пушай идет; разве других не найду?

Анисья.

А деньги-то заданы?..

(Анютка подходит к двери, слушает, что говорят, и уходит.)

ЯВЛЕНИЕ V.

Анисья, Петр и Акулина.

Петр *(хмурится)*.

Деньги, коли что, летом отслужит.

Анисья.

Да ты рад отпустить, – тебе с хлеба долой. Да зиму-то я одна и ворочай, как мерин какой. Девка-то не больно охоча работать, а ты на печи лежать будешь. Знаю я тебя.

Петр.

Да что, ничего не слыхамши, попусту язык трепать.

Анисья.

Полон двор скотины. Не продал корову-то и овец всех на зиму пустил, корму и воды не наготовишься, – а работника отпустить хочешь. Да не стану я мужицкую работу работать! Лягу, вот как ты же, на печь – пропадай всё; как хочешь, так и делай.

Петр *(к Акулине)*.

Иди за кормом-то, что ли, – пора.

Акулина.

За кормом? Ну, что ж. *(Надевает кафтан и берет веревку.)*

Анисья.

Не буду я тебе работать. Буде уж, не стану. Работай сам.

Петр.

Да буде. Чего взбеленилась? Ровно овца круговая.

Анисья.

Сам ты кобель бешеный! Ни работы от тебя, ни радости. Только поедом ешь. Кобель потрясучий, право.

Петр (*плюет и одевается*).

ТЬфу ты! Прости, Господи! Пойти узнать толком. (*Выходит.*)

Анисья (*вдогонку*).

Гнилой чорт, носастый!

ЯВЛЕНИЕ VI.

Анисья и Акулина.

Акулина.

Ты за что батю ругаешь?

Анисья.

Ну тебя, дура. Молчи.

Акулина (*подходит к двери*).

Знаю, чего ругаешь. Сама дура, пес ты. Не боюсь я тебя.

Анисья.

Ты чего? (*Вскакивает и ищет, чем бы ударить.*) Мотри, я тебя рогачем.

Акулина (*отворив дверь*).

Пес, ты, дьявол, вот ты кто! Дьявол, пес, пес, дьявол! (*Убегает.*)

ЯВЛЕНИЕ VII.

Анисья (одна).

Анисья (задумывается).

На свадьбу, говорит, приходи. Это что ж они вздумали? женить? Мотри, Микитка: коли это твои умыслы, я то сделаю... Нельзя мне без него жить. Не пушу я его.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Анисья и Никита.

Никита (входит оглядываясь. Видя, что Анисья одна, быстро подходит к ней. Шопотом).

Что, братец ты мой, беда. Приехал родитель, снимать хочет, – домой итти велит. Окончательно, говорит, женим тебя, и живи дома.

Анисья.

Что же, женись. Мне-то что?

Никита.

Вот так – так. Я рассчитываю, как получше дело обсудить, а она вон как: жениться велит. Что ж так? (*Подмигивает.*) Аль забыла?..

Анисья.

И женись, очень нужно...

Никита.

Да ты что фыркаешь-то? Вишь ты, и погладиться не дается... Да ты чего?

Анисья.

А того, что бросить хочешь... А хочешь бросить, так и я не нуждаюсь. Вот тебе и сказ!

Никита.

Да буде, Анисья. Разве я тебя забыть хочу? Ни в жисть. Окончательно тебя, значит, не брошу. А я так рассчитываю: что и женят, так к тебе же назад приду; только бы домой не брал.

Анисья.

Очень ты мне нужен женатый-то.

Никита.

Да как же, братец ты мой, – из отцовской воли опять-таки невозможно никак.

Анисья.

На отца сворачиваешь, а умыслы – твои всё. Давно ты подлаживаешь с мазихой своей, с Маринкой. Она тебе это намазала. Не даром намедни прибежала.

Никита.

Маринка?! Очень она мне нужна!.. Мало их вешаются-то!..

Анисья.

Зачем же отец приехал? Ты велел! Обманивал ты!.. *(Плачет.)*

Никита.

Анисья! веришь ты Богу, аль нет? Ничего-то я и во сне не видал. Окончательно знать не знаю, ведать не ведаю. Всё мой старик с своей головы уздумал.

Анисья.

Сам не захочешь, так кто ж тебя, оселом, что ль, притянет?

Никита.

Тоже, рассчитываю, невозможно супротив родителя будет исделать. А неохота мне.

Анисья.

Упрись, да и всё.

Никита.

Уперся один такой-то, так его в волостной так вспрыснули. Очень просто. Тоже не хочется. Сказывают – щекотно..

Анисья.

Буде шутить-то. Ты слушай, Микита: коли ты за себя Марину возьмешь, я не знаю, что над собой сделаю... Жизни решусь! Согрешила я, закон рушила, да уж не ворочаться стать. Коли да ты только уйдешь, я то сделаю...

Никита.

Мне что ж уходить? Кабы я уйти хотел, я бы давно ушел. Меня как намердны Иван Семёныч приглашал в кучера... А уж жизнь какая! Не пошел же. Потому я так рассчитываю, что я всякому хорош. Если бы ты меня не любила, то другой расчет.

Анисья.

То-то и помни. Старик не нынче-завтра помрет, думаю, – все грехи прикроем. Закон приму, думала, будешь хозяином.

Никита.

И, что загадывать. Мне что? Я работаю, как для себя стараюсь. Меня и хозяин любит, и баба его, значит, любит. А что меня бабы любят, так я в этом не причинен, – очень просто.

Анисья.

Будешь меня любить?

Никита (*обнимает ее*).

Во как! Как была ты у меня в душе...

ЯВЛЕНИЕ IX.

Те же и Матрена (*входит и долго крестится на образа;
Никита и Анисья отстраняются друг от друга*).

Матрена.

А я что и видела, не видала, что и слышала, не слыхала. С бабочкой поиграл, – что ж? И теленок, ведашь, и тот играет. Отчего не поиграть? – дело молодое. А тебя, сынок, хозяин на дворе спрашивает.

Никита.

Я за топором зашел.

Матрена.

Знаю, знаю, родной, за каким топором. Этот топор всё больше около баб.

Никита (*нагибается, берет топор*).

Что ж, матушка, аль и вправду женить меня? Я рассчитываю, что совсем напрасно. Опять-таки и мне бы неохота.

Матрена.

И-и! Касатик, зачем женить? Живешь да живешь. Это старик всё. Поди, родной, мы и без тебя все дела рассудим.

Никита.

Чудно, право: то женить, а то не надо. Окончательно не разберу ничего. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ X.

Анисья и Матрена.

Анисья.

Что ж, тетка Матрена, аль и вправду женить хотите?

Матрена.

С чем женить-то, ягодка! Наш, ведашь, какой достаток? Так себе, старичок мой зря болтает: женить да женить. Да не его ума дело. От овса, ведашь, кони не рыщут, от добра добра не ищут, – так и это дело. Разве я не вижу (*подмигивает*), к чему дело клонит.

Анисья.

Что же мне, тетка Матрена, от тебя хорониться. Ты все дела знаешь. Согрешила я, полюбила сына твоего.

Матрена.

Ну, новости сказала. А тетка Матрена и не знала. Эх, деушка, тетка Матрена терта, терта да перетерта. Тетка Матрена, я тебе скажу, ягодка, под землей-то на аршин видит. Всё знаю, ягодка! Знаю, зачем молодым бабам сонных порошков надоть. Принесла. (*Развязывает узелок платка, достает в бумаге порошки.*) Чего надо, то вижу, а чего не надо, того знать не знаю, ведать не ведаю. Так-то. Тоже и тетка Матрена молода была. Тоже с своим дураком, ведашь, умеючи прожить надо. Все 77 уверток знаю. Вижу, ягодка, заживрел, заживрел твой-то старик. С чем тут жить? Его вилами ткни, кровь не пойдет. Глядишь, на весну похоронить. Принять во двор кого-нибудь да надо. А сынок чем не мужик? Не хуже людей. Так что же мне за корысть сына-то с доброго дела снять? Разве я своему детищу враг?

Анисья.

Только б не сходил он от нас.

Матрена.

И не сойдет, ласточка. Всё глупость одна. Старика моего ведать. Ум у него вовсе расхожий, а тоже другой раз заберет что в башку, как колом подопрет, никак не выбьешь.

Анисья.

Да с чего взялось-то дело это?

Матрена.

А видишь ли, ягодка, – малый, сама знаешь, до баб какой, да и красик, нечего сказать. Ну жил он, ведашь, на чугушке, а там у них девчонка сирота – в куфарках жила. Ну и стала вязаться за ним девчонка эта.

Анисья.

Маринка?

Матрена.

Она, паралик ее расшиби. Ну и было ли что, нет ли, только и дознайся мой старик. От людей ли, или сама она ему наклевузничала!..

Анисья.

Смелая же какая, подлюга!

Матрена.

Вот и поднялся мой-то, дурья-то голова: женить, говорит, да женить, грех покрыть. Возьмем, говорит, малого домой да женим. Разговаривала всячески. Куды тебе! Ну, думаю, ладно. Дай по-иному поверну. Их, дураков, ягодка, всё так-то манить надо. Всё в согласьи, как будто. А до чего дело дойдет, сейчас на свое и повернешь. Баба, ведашь, с печи летит, 77 дум передумает, так где ж ему догадаться. Что ж, говорю, старичок, дело хорошее. Только подумать надо. Пойдем, говорю, к сынку да посоветуем с Петром Игнатьичем. Что он скажет? Вот и пришли.

Анисья.

О-ох, тетушка, как же так? Ну как отец-то велит?

Матрена.

Велит? А велье-то его псу под хвост. Уж ты не сумлевайся, не бывать этому делу, я сейчас с твоим стариком все дела просею, процежу, ничего не останется. Я и пошла с ним – один пример сделать. Как же сынок в счастье живет, счастья ждет, а я за него потаскуху сватать стану. Что ж, я дура, что ль!

Анисья.

Она и сюда к нему бегала, Маринка-то. Верить ли, тетушка, как сказали мне, что женить его, как ножом по сердцу полоснуло меня. Думаю, в сердце она у него.

Матрена.

И, ягодка! Что ж, он дурак, что ли? Станет он шлюху бездомовную любить. Микишка, ведашь, малый тоже умный. Он знает, кого любить. А ты, ягодка, не сумлевайся. Не снимем его ни в жизнь. И женить не станем. А деньжонок убоготворите, и пусть живет.

Анисья.

Кажется, уйди Микита, не стану на свете жить.

Матрена.

Дело молодое. Легко ли! Баба ты в соку, с таким осметком жить...

Анисья.

Верить ли, тетушка, постыл, уж постыл мне мой-то, кобель носастый, и не смотрели бы на него глаза.

Матрена.

Да, уж это дело такое. Глянь-ка сюда. (*Шопотом, оглядываясь.*) Была я, ведашь, у старичка этого за порошками, – он мне на две руки дал снадобья. Глянь-ка сюда. Это, говорит, сонный порошок. Дай, говорит, один – сон такой возьмет, что хоть ходи по нем. А это, говорит, такое снадобье, если, говорит, давать пить – никакого духа нет, а сила большая. На семь, говорит, разов, по щепоти на раз. До семи разов давай. И слобода, говорит, ей скоро откроется.

Анисья.

О-о-о... Что ж это?

Матрена.

Приметки, говорит, никакой. Рублевку взял. Меньше нельзя, говорит. Потому, ведать, добывать их тоже хитро. Я свою, ягодка, отдала. Думаю, возьмет, не возьмет, Михайловне снесу.

Анисья.

О-о! Да може что худое от них?

Матрена.

Чему худому-то быть, ягодка? Добро бы мужик твой твердый, а то что ж, только славу делает, что живет. Не жилец ведь он. Много таких-то бывает.

Анисья.

О, ох, головушка моя бедная! Боюсь я, тетенька, как бы греха не было. Нет, это что ж?

Матрена.

Можно и назад снести.

Анисья.

Что ж их, как и те, в воде распускать?

Матрена.

В чаю, говорит, лучше. Ничего, говорит, неприметно, ни духу от них нет, ничего. Тоже человек умный.

Анисья (берет порошки).

О, о, головушка моя бедная. Пошла бы разве на такие дела, кабы не жисть каторжная.

Матрена.

А рублевку-то не забудь, я пообещалась старичку занести. Тоже хлопочет.

Анисья.

Уж известно. *(Идет к сундуку и прячет порошки.)*

Матрена.

А ты, ягодка, потеснее держи, чтоб люди не знали. А коли что, помилуй Бог, коснется, от тараканов мол... *(Берет рубль.)* Тоже от тараканов идет... *(Обрывает речь.)*

ЯВЛЕНИЕ XI.

Те же, Петр и Аким. (Аким входит, крестится на образа.)

Петр (входит и садится).

Так как же, дядя Аким?

Аким.

Получше, Игнатъич, как бы получше, тае, получше... Потому как бы не того. Баловство, значит. Хотелось бы, тае... к делу, значит, хотелось малого-то. А коли ты, значит, тае, можно и того. Получше как...

Петр.

Ладно, ладно. Садись, потолкуем. *(Аким садится.)* Что ж так? Аль женить хочешь?

Матрена.

Женить-то и повременить можно, Петр Игнатьич. Нужда наша, сам знаешь, Игнатьич. Где тут женить. Сами живота не надышим. Где ж женить!..

Петр.

Судите, как лучше.

Матрена.

Женить тоже спешить некуда. Это такое дело. Не малина, не опанет.

Петр.

Что ж, коли женить – дело хорошее.

Аким.

Хотелось бы, значит, тае... Потому мне, значит, тае... работишка в городе, работишка выпала, сходная, значит...

Матрена.

Ну уж работа! Ямы чистить. Приехал намедни, так блевала, блевала, тьфу!

Аким.

Это точно, сперначала она ровно и тае, шибает, значит, дух-то, а обыкнешь – ничего, всё одно, что барда, и значит, тае, сходно... А что дух, значит, тае... это нашему брату обижаться нельзя. Одежонку сменить тоже можно. Хотелось, значит, Микитку дома. Пущай оправдает, значит. Он пущай дома оправдает. А уж я, тае, в городе добуду.

Петр.

Хочешь сына дома оставить, оно точно. Да забраты деньги-то как?

Аким.

Это верно, верно, Игнатьич, сказал это, значит, тае, правильно, потому нанялся, проданся – это пусть доживат, значит, а вот только, тае, женить; на время, значит, отпусти коли что.

Петр.

Что ж, это можно.

Матрена.

Да дело-то у нас несогласное. Я перед тобой, Петр Игнатьич, как перед Богом откроюсь. Ты хоть нас с стариком рассуди. Заладил, что женить да женить. А на ком женить-то, ты спроси! Кабы невеста настоящая, разве я своему детищу враг, а то девка с пороком...

Аким.

Вот это напрасно. Напрасно, тае, наносишь на девку-то. Напрасно. Потому ей, девке этой самой, обида от сына моего, обида, значит, есть. Девке, значит.

Петр.

Какая же такая обида?

Аким.

А выходит, значит, тае, с сыном Никиткою. С Никиткою, значит, тае.

Матрена.

Ты погоди говорить, у меня язык помягче, дай я скажу. Жил это малый-то наш до тебя, сам ведать, на чугунке. И привяжись там к нему девка, так, ведать, немудрящая, Маринкой звать, – куфаркой у них в артели жила. Так вот, показывает она, эта самая девка, на сына на нашего, что примерно, он, Микита, будучи, ее обманул.

Петр.

Хорошего тут нет.

Матрена.

Да она сама непутевая, по людям шляется. Так, потаскуха.

Аким.

Опять ты, значит, старуха, не тае, и всё ты не тае, всё, значит, не тае...

Матрена.

Вот только и речей от орла от моего – тае, тае, тае, а что тае – сам не знаешь. Ты, Петр Игнатьич, не у меня, у людей спроси про девку, всякий то же скажет. Так – шалава бездомовная.

Петр (Аким).

Что ж, дядя Аким, коли такое дело, тоже женить не-зачем. Ведь не лапоть, с ноги не снимешь, хоть бы сноху.

Аким (разгорячась).

Облыжно, старуха, значит, на девку, тае, облыжно. Потому девка, тае, дюже хороша, дюже хороша девка, значит; жаль мне, жаль, значит, девку-то.

Матрена.

Уж прямо Маремьяна старица, по всем мире печальница, а дома не емши сидят. Жаль девку, а сына не жаль. Навяжи ее себе на шею, да и ходи с ней. Бude пустое-то говорить.

Аким.

Нет, не пустое.

Матрена.

Да ты не залетай, дай я скажу.

Аким (перебивает).

Нет, не пустое. Значит, ты на свое воротить, хоть бы про девку али про себя, – ты на свое воротишь, как тебе лучше, а Бог, значит, тае, на свое поворотит. Так и это.

Матрена.

Эх, только с тобой язык терзать.

Аким.

Девка работающая, важковатая и, значит, тае, вокруг себе... значит. А по нашей бедности нам и тае, рука, значит: и свадьба недорогая. А дороже всего обида есть девке-то, значит, тае, сирота, вот что, девка-то. А обида есть.

Матрена.

Всякая, тоже говорит...

Анисья.

Ты, дядя Аким, больше слушай нашу сестру. Они тебе расскажут!

Аким.

А Бог-то, Бог! Разве она не человек, девка-то? Значит тоже, тает, Богу-то она человек. А ты как думаешь?

Матрена.

А, заладил...

Петр.

А вот что, дядя Аким, тоже ведь этим девкам верить нельзя. А малый-то жив. Ведь он вот он! Послать его да спросить толком, правда ли? Он души не убьет. Покличьте малого-то! (*Анисья встает.*) Скажи ты, отец зовет. (*Анисья уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ XII.

Те же без Анисьи.

Матрена.

Вот это, родной, рассудил, как водой разлил; пушай сам малый скажет. Ведь тоже по нынешнему времени силѐм женить не велят. Также спросить малого надо. Не захочет он ни в жисть на ней жениться, себя осрамить. На мой разум, пусть у тебя живет да служит хозяину. И на лето брат не-зачем, принанять можно. А ты нам десяточку дай, пусть живет.

Петр.

Та речь впереди, порядком надо. Одно кончи, тогда другое затевай.

Аким.

Я, значит, к тому говорю, Петр Игнатьич, потому, значит, тает, трафлялось. Ладишь, значит, как себе лучше, да про Бога, тает, и запоминаешь; думаешь лучше... на себя воротишь, глядь, ан накошлял на шею себе, значит; думал как лучше, ан хуже много, без Бога-то.

Петр.

Известное дело! Бога помнить надо.

Аким.

Глядь, оно хуже, а как по закону, да по-Божьи, всё как-то, тае, оно тебя веселит. Манится, значит. Так и угадывал себе, значит, женю, значит, малого, от греха, значит. Он дома, значит, тае, как должно по закону, а уж я, значит, тае в городе похлопочу. Работишка-то любезная. Сходно. По-Божью-то, значит, тае, и лучше. Сирота ведь тоже. Примером, летось дрова тож у приказчика взяли таким манером. Думали обмануть; приказчика-то обманули, а Бога-то, значит, тае, не обманули, ну, и того...

ЯВЛЕНИЕ XIII.

Те же, Никита и Анютка.

Никита.

Спрашивали? *(Садится, достает табак.)*

Петр *(тихо, укоризненно)*.

Что ж ты, аль порядка не знаешь. Тебя отец спрашивать будет, а ты табаком балуешь да сел. Поди-ка сюда, встань!

(Никита становится у стола, развязно облакачиваясь и улыбаясь.)

Аким.

Выходит, значит, тае, примерно на тебя, Микишка, жалоба, жалоба, значит.

Никита.

От кого жалоба?

Аким.

Жалоба? От девицы, от сироты, значит, жалоба есть. От ней, значит, и жалоба на тебя, от Марины от этой самой, значит.

Никита *(посмеиваясь)*.

Чудно, право. Какая ж такая жалоба? Это кто ж тебе сказывал: она, что ли?

Аким.

Я таперь, тае, спрос делаю, а ты, значит, тае, должен ответ произвести. Обвязался ты с девкой, значит, то есть обвязался ты с ней, значит?

Никита.

И не пойму окончательно, чего спрашиваете.

Аким.

Значит, глупости, тае, глупости, значит, были у тебя с ней, глупости, значит?

Никита.

Мало что было. С куфаркой от скуки и пошутить и на гармонии поиграешь, а она попляшет. Какие же еще глупости?

Петр.

Ты, Микита, не костыляй, а что спрашивает родитель, ты и отвечай толком.

Аким (торжественно).

Микита! От людей утаишь, а от Бога не утаишь. Ты, Микита, значит тае, думай, не могли врать! Сирота она, значит, обидеть можно. Сирота, значит. Ты говори получше как.

Никита.

Да что, говорить-то нечего. Окончательно всё и говорю, потому и говорить нечего. (*Разговариваясь.*) Она чего не скажет. Говори, что, хоть, как на мертвого. Чего ж она на Федьку Микишкина не сказывала? А это что ж, по нынешнему времени, значит, и пошутить нельзя? А ей вольно говорить.

Аким.

Ой, Микишка, мотри! Неправда наружу выйдет. Было аль нет?

Никита (в сторону).

Вишь, привязались, право. (*К Акиму.*) Сказываю, что ничего не знаю. Ничего у меня с ней не было. (*С злобой.*) Вот те Христос, не сойти мне с доски с этой. (*Крестится.*) Ничего знать не знаю. (*Молчание. Никита продолжает еще горячее.*) Что ж это вы меня на ней женить вздумали? Что ж, в самом деле, право, скандал. Нынче и правов таких нет, чтоб силом женить. Очень просто. Да и побожился я – знать не знаю.

Матрена (на мужа).

То-то, глупая твоя башка, дурацкая; что ему наболтают, а он всему и верит. Только напрасно малого оконфузил. А лучше как живет, так пускай и живет у хозяина. Хозяин нам теперь на нужду десяточку даст. А время придет, и женим.

Петр.

Ну, как же, дядя Аким?

Аким (щелкает языком; к сыну).

Мотри, Микита, обижена слеза, тае, мимо не канет, а всё, тае, на человеческу голову. Мотри, как бы не того.

Никита.

Да что смотреть-то, ты сам смотри. (*Садится.*)

Анютка.

Пойти мамушке сказать. (*Убегает.*)

ЯВЛЕНИЕ XIV.

Петр, Аким, Матрена и Никита.

Матрена (к Петру).

Вот так-то всё, Петр Игнатьич. Баламутный он у меня, втемяшит что в башку, не выбьешь никак; только даром тебя потревожили. А как жил малый, так пусть и живет. Держи малого – твой слуга.

Петр.

Так как же, дядя Аким?

Аким.

Что ж, я, тае, воли с малого не снимал, только бы не тае. Хотелось было, значит, тае...

Матрена.

И что путаешь, сам не знаешь. Пусть живет, как жил. Малому и самому сходить неохота. Да и куда нам его, сами управим.

Петр.

Одно, дядя Аким: если ты его на лето сымешь, он мне на зиму не нужен. Уж жить, так в год.

Матрена.

На год и заложится. Мы дома, в рабочую пору, коли что, принаймем, а малый пусть живет, а ты нам теперича десяточку...

Петр.

Так как же, еще на год?

Аким (вздыхает).

Да что ж, уж видно тае, коли так, значит, видно уж тае.

Матрена.

Опять на год, от Митревой субботы. В цене ты не обидишь, а десяточку теперь дай. Вызволь ты нас. *(Встает и кланяется.)*

ЯВЛЕНИЕ XV.

Те же, Анисья и Анютка. (Анисья садится к сторонке.)

Петр.

Что ж? Коли так, так так – до трактира дойти и могоарычи. Пойдем, дядя Аким, водочки выпьем.

Аким.

Не пью я ее, вино-то, не пью.

Петр.

Ну, чайку попьешь.

Аким.

Чаем грешен. Чаем, точно.

Петр.

И бабы-то чайку попьют. Ты, Микита, смотри, овец-то перегони да солону подбери.

Никита.

Ладно.

(Все уходят, кроме Никиты. Смеркается.)

ЯВЛЕНИЕ XVI.

Никита (один).

Никита (закуривает папирску).

Вишь, пристали, скажи да скажи, как с девками гулял. Эти истории рассказывать долго будет. Женись, говорит, на ней. На всех да жениться – это жен много наберется. Нужно мне очень жениться, и так не хуже женатого живу, завидуют люди. И как это меня как толкнул кто, как я на образ перекрестился. Так сразу всю канитель и оборвал. Боязно, говорят, в неправде божиться. Всё одна глупость. Ничего, одна речь. Очень просто.

ЯВЛЕНИЕ XVII.

Никита и Акулина.

Акулина (входит в кафтане, кладет веревку, раздевается и идет в чулан).

Ты бы хоть огонь засветил.

Никита.

На тебя глядеть? Я тебя и так вижу.

Акулина.

Ну тебя!

ЯВЛЕНИЕ XVIII.

Те же и Анютка.

Анютка (*вбегают; к Никите шопотом*).

Микита, иди скорей, тебя человек один спрашивает, одна дыхнуть.

Никита.

Какой человек?

Анютка.

Маринка с чугулки. За углом стоит.

Никита.

Врешь.

Анютка.

Одна дыхнуть.

Никита.

Чего же ей?

Анютка.

Тебе приходится велела. Мне, говорит, Миките только слово одно сказать надо. Стала я спрашивать, а она не сказывает. Только спросила: правда ли, что он от вас сходит? А я говорю: неправда, его отец хотел снять да женить, да он отказался, у нас на год еще остался. А она и говорит: пошли ты его ко мне, ради Христа. Мне, говорит, беспрерывно нужно ему слово сказать. Она уж давно ждет. Иди же к ней.

Никита.

Ну ее к Богу. Куда я пойду?

Анютка.

Она говорит, коль не придет, я сама в избу к нему пойду. Однова дыхнуть, приду, говорит.

Никита.

Небось, постоит да уйдет.

Анютка.

Аль, говорит, его на Акулине женить хотят?

Акулина (*подходит к Никите за своей прялкой*).

Кого на Акулине женить?

Анютка.

Микиту.

Акулина.

Легко ль? Да кто говорит-то?

Никита.

Да видно, люди говорят. (*Смотрит на нее, смеется.*) Акулина, что, пойдешь за меня?

Акулина.

За тебя-то? Може допрежь и пошла бы, а теперь не пойду.

Никита.

Отчего теперь не пойдешь?

Акулина.

А ты меня любить не будешь.

Никита.

Отчего не буду?

Акулина.

Тебе не велят. (*Смеется.*)

Никита.

Кто не велит?

Акулина.

Да мачеха. Она всё ругается, всё за тобой глядит.

Никита (*смеется*).

Вишь ты! Однако ты приметливая.

Акулина.

Я-то? Что мне примечать? Разве я слепая? Нынче она батю пузырила, пузырила. Ведьма она толстомордая. (*Уходит в чулан.*)

Анютка.

Никита! глянь-ка. (*Глядит в окно.*) Идет. Однова дыхнуть, она. Я уйду. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ XIX.

Никита, Акулина в чулане и Марина.

Марина (*входит*).

Что ж это ты со мной делаешь?

Никита.

Что делаю? Ничего не делаю.

Марина.

Отречься хочешь?

Никита (*сердито подымаясь*).

Ну, к чему подобно, что пришла?

Марина.

Ах, Микита!

Никита.

Чудные вы, право. Зачем пришла?

Марина.

Микита!

Никита.

Ну что Микита? Микита и есть. Чего надо-то? Иди, говорю.

Марина.

Так, вижу, бросить, позабыть хочешь?

Никита.

Что помнить-то? Сами не знают. За углом стояла, Анютку послала, не пришел я к тебе. Значит, не надобна ты мне, очень просто. Ну и уйди.

Марина.

Не надобна! Не надобна теперь стала. Поверила я тебе, что любить будешь. А потерял ты меня, и не надобна стала.

Никита.

И всё ни к чему ты это говорить, всё несообразно. Ты и отцу наговорила. Уйди, сделай милость.

Марина.

Сам знаешь, что никого, кроме тебя, не любила. Взял бы, не взял замуж, я на то бы не обижалась. Не повинна я перед тобой ничем. За что разлюбил? За что?

Никита.

Нечего нам с тобою переливать из пустого в порожнее. Уйди ты. То-то бестолковые!

Марина.

Не то мне больно, что обманул меня, жениться обещал, а что разлюбил. И не то больно, что разлюбил, а на другую променял, – на кого, знаю я!

Никита (злобно идет к ней).

Эх! С вашей сестрой разговаривать, никаких резонов не понимают; уйди, говорю, до худы доведешь.

Марина.

До худы? Что ж, меня бить будешь? Бей, на! Что морду-то отворотил? Эх, Никита.

Никита.

Известно, нехорошо, народ придет. А что ж попусту толковать.

Марина.

Так конец, значит, что было, то уплыло. Позабыть велишь! Ну, Никита, помни. Берегла я свою честь девичью пуще глаза. Погубил ты меня ни за что, обманул. Не пожалел сироту (*плачет*), отрекся от меня. Убил ты меня, да я на тебя зла не держу. Бог с тобой. Лучше найдешь – позабудешь, хуже найдешь – вспомняешь. Вспомняешь, Никита. Прощай, коли так. И любила ж я тебя. Прощай в последний. (*Хочет обнять его и берет за голову.*)

Никита (вырываясь.)

Эх! Разговаривать с вами. Не хочешь уходить, я сам уйду, оставайся тут.

Марина (вскрикивает).

Зверь ты! (*В дверях.*) Не даст тебе Бог счастья! (*Уходит плача.*)

ЯВЛЕНИЕ XX.

Никита и Акулина.

Акулина (*выходит из чулана*).

А пес ты, Никита.

Никита.

А что?

Акулина.

Как взвыла-то она. (*Плачет.*)

Никита.

Ты-то чего?

Акулина.

Чего? О... би... дел ты ее... Ты так-то и меня обидишь... пес ты. (*Уходит в чулан.*)

ЯВЛЕНИЕ XXI.

Никита (*один*).

Никита. (*Молчание.*)

То-то неразбериха. Люблю я этих баб, как сахар; а нагресишь с ними – беда!

Занавес.

—

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ.

ЛИЦА ВТОРОГО ДЕЙСТВИЯ.

Петр.
Анисья.
Акулина.
Анютка.
Никита.
Матрена.
Кума – соседка.
Народ.

Сцена представляет улицу и избу Петра. Слева от зрителя – изба в две связи, сени, с крыльцом в середине; справа – ворота и край двора. У края двора Анисья треплет пеньку. После первого действия прошло 6 месяцев.

ЯВЛЕНИЕ I.

Анисья (одна).

Анисья (*останавливается, прислушиваясь*). Опять что-то бурчит. Должно, слез с печи.

ЯВЛЕНИЕ II.

Анисья и Акулина (входит с ведрами на коромысле).

Анисья.

Кличет. Поди погляди, чего ему? Во... орет.

Акулина.

А ты-то что ж?

Анисья.

Иди, говорят. (*Акулина идет в избу.*)

ЯВЛЕНИЕ III.

Анисья (одна).

Анисья.

Измучал он меня. Не открывает, где деньги, да и всё. Намедни в сенях был, должно, там прятал. Теперь и сама не знаю где. Спасибо, расстаться с ними боится. Всё в доме они. Только б найти. А на нем вчерась не было. Теперь и сама не знаю где. Измучал меня на отделку.

ЯВЛЕНИЕ IV.

Анисья и Акулина (выходит, повязываясь платком).

Анисья.

Куда ты?

Акулина.

Куды? А велел тетушку Марфу позвать. Позови, говорит, сестру ко мне. Я помру, говорит, нужно мне ей сказать слово.

Анисья (про себя).

Сестру зовет. О, головушка моя! О-о! Должно, ей отдать хочет. Что стану делать! О! (Акулине.) Не ходи! Куда ты?

Акулина.

За теткой.

Анисья.

Не ходи, говорю, я сама схожу, а ты с бельем-то иди на речку. А то до вечера не успеешь.

Акулина.

Да он мне велел.

Анисья.

Иди куда посылают. Сама, говорят, схожу за Марфой. Рубахи-то возьми с плетня.

Акулина.

Рубахи? Да ты, мотри, не пойдешь. Он велел.

Анисья.

Сказала, пойду. Анютка где?

Акулина.

Анютка? Она телят стережет.

Анисья.

Пошли ее, авось не разбегутся.

(Акулина собирает белье и уходит.)

ЯВЛЕНИЕ V.

Анисья (одна).

Анисья.

Не пойтить – заругает, а пойтить – отдаст он сестре деньги. Пропадут все мои труды. И что делать, сама не знаю. Расскочилась моя голова. *(Продолжает работать.)*

ЯВЛЕНИЕ VI.

Анисья и Матрена (входит с палочкой и узелком по-дорожному).

Матрена.

Бог помочь, ягодка.

Анисья (*оглядывается, бросает работу и всплескивает руками от радости*).

Вот не чаяла, тетушка. Лучил же Бог какого гостя ко времени.

Матрена.

Ну, что?

Анисья.

Уж я и в уме смешалась. Беда!

Матрена.

Что ж, жив, сказывают?

Анисья.

И не говори. Жить не живет и помирать не помирает.

Матрена.

Деньги-то не передал кому?

Анисья.

Сейчас за Марфой, за сестрой родной, посылает. Должно, об деньгах.

Матрена.

Видимое дело. Да не передал ли кому помимо?

Анисья.

Некому. Я как ястреб над ним стерегу.

Матрена.

Да где ж они?

Анисья.

Не сказывает. И не дознаюсь никак. Хоронит где-то из одного места в другое. А мне тоже от Акульки нельзя. Дура-дура, а тоже подсматривает, караулит. О, головушка моя! Измучалась я.

Матрена.

Ох, ягодка, отдаст денежки помимо твоих рук, век плакаться будешь. Сопхают они тебя со двора ни с чем. Маялась ты, маялась, сердечная, век-то свой с немилым, да и вдовой с сумой пойдешь.

Анисья.

И не говори, тетка. Изныло мое сердце, и не знаю, как быть, и посоветовать не с кем. Говорила Миките. А он робеет, не хочет в это дело вступать. Только сказал мне вчера, что в полу они.

Матрена.

Что ж, лазила?

Анисья.

Нельзя – сам тама. Я примечаю, – он их то на себе носит, то хоронит.

Матрена.

Ты, деушка, помни: раз маху дашь, век не справишься. (*Шопотом.*) Что ж, крепкого чаю-то давала?

Анисья.

О-о! (*Хочет отвечать, видит соседку, замолкает.*)

ЯВЛЕНИЕ VII.

Те же и кума (*проходит мимо избы, прислушивается к крику в избе. К Анисье*).

Кума.

Кума! Анисья, а Анисья! Твой никак кличет.

Анисья.

Он всё так кашляет, ровно кричит. Плох уж очень.

Кума (*подходит к Матрене.*)

Здорово, баушка, отколь Бог несет?

Матрена.

А из двора, милая. Сынка проведать пришла. Рубах принесла. Тоже свое детище, ведашь, жалко.

Кума.

Да уж такое дело. (*К Анисье.*) Хотела, кума, красна белить, да, думается, рано. Люди не зачинали.

Анисья.

Куда спешить-то?

Матрена.

Что ж, сообщали?

Анисья.

Как же, вчерась поп был.

Кума.

Поглядела я вчерась тоже, матушка моя, и в чем душа держится. Измадел как. А уж намедни, матушка моя, совсем помирал, под святые положили. Уж и оплакали, омывать собирались.

Анисья.

Ожил – поднялся; опять бродит теперь.

Матрена.

Что ж, соборовать станете?

Анисья.

Люди приглашают. Коли жив будет, хотим завтра за попом посылать.

Кума.

Ох, скучно, чай, тебе, Анисьюшка? Не даром молвится: не тот болен, кто болит, а кто над болью сидит.

Анисья.

Уж как скучно то. Да уж одно бы что.

Кума.

Известно дело, легко ли, год целый помирает. По рукам связал.

Матрена.

Тоже и вдовье дело горькое. Хорошо дело молодое, а на старости лет кто пожалеет. Старость не радость. Хоть бы мое дело. Недалеко прошла, уморилась, ног не слышу. Сынок-то где?

Анисья.

Пашет. Да ты заходи, самовар поставим, чайком душеньку отведешь.

Матрена (садится).

И то уморилась, миленькие. А что соборовать – это беспрременно надо. Люди говорят – тоже душе на пользу.

Анисья.

Да завтра пошлем.

Матрена.

То-то, оно лучше. А у нас, деушка, свадьба.

Кума.

Что ж так, весной?

Матрена.

Да, видно, пословица не даром молвится: бедному жениться и ночь коротка. Семен Матвеевич за себя Маринку взял.

Анисья.

Нашла-таки себе счастье!

Кума.

Вдовец, должно, на детей пошла.

Матрена.

Четверо. Какая же путная пойдет! Ну, ее и взял. Она и рада. Вино пили, ведашь, стаканчик не крепкий был, – проливали.

Кума.

Вишь ты! Слух-то был? А с достатком мужик-то?

Матрена.

Живут ничего пока.

Кума.

Оно точно, что на детей кто пойдет. Вот хоть бы у нас Михайло. Мужик-то, матушка моя...

Голос мужика.

Эй, Мавра, куда тебя дьявол носит? Поди корову загони. *(Соседка уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Анисья и Матрена.

Матрена *(пока соседка уходит, говорит ровным голосом).*

Выдали, деушка, от греха, по крайности мой дурак об Микишке думать не будет. *(Вдруг переменяет голос на шопот.)* Ушла! *(Шопотом.)* Что ж, говорю, чайком-то поила?

Анисья.

И не поминай. Помирал бы лучше сам. Всё одно не помирает, только греха на душу взяла. О-о! головушка моя! И зачем ты мне давала порошки эти?

Матрена.

Что ж порошки? Порошки, деушка, сонные, что ж не дать? От них худа не будет.

Анисья.

Я не про сонные, а про те, про белесые-то.

Матрена.

Что ж, те порошки, ягодка, лекарственные.

Анисья (вздыхает).

Знаю, да боязно. Измучал он меня.

Матрена.

Что ж, много извела?

Анисья.

Два раза давала.

Матрена.

Что ж, не приметно?

Анисья.

Я сама в чаю пригубила, чуть горчит. А он выпил с чаем-то, да и говорит: мне и чай-то противен. Я говорю: больному всё горько. Да и жутко же мне стало, тетушка.

Матрена.

А ты не думай. Что думать, то хуже.

Анисья.

И лучше ты мне не давала бы и на грех не наводила. Как вспомнишь, так на душе загребит. И зачем ты дала мне их?

Матрена.

И, что ты, ягодка! Христос с тобой. Что ж ты на меня-то сворачиваешь? Ты, деушка, мотри, с больной головы на здоровую не сворачивай. Коли чего коснется, мое дело сторона, я знать не знаю, ведать не ведаю, – крест поцелую, никаких порошков не давала и не видала и не слыхала, какие такие порошки бывают. Ты, деушка, сама думай. Мы и то намерднись про тебя разговорились, как она, мол, сердечная, маится. Падчерица – дура, а мужик гнилой – присуха одна. С этой жизни чего не сделаешь.

Анисья.

Да я и то не отрекусь. От моего житья не то что эти дела, а либо повеситься, либо его задушить. Разве это жизнь?

Матрена.

То-то и дело. Рот разевать некогда. А как-никак, обыскать деньги да чайком попоить.

Анисья.

О-о, головушка моя бедная! И что делать теперь, сама не знаю, и жутость берет, – поми-рал бы уж лучше сам. Тоже на душу брать не хочется.

Матрена (с злобой).

А что ж он деньги-то не открывает? Что ж, он их с собой возьмет, никому не достанутся? Разве это хорошо? Помилуй Бог, такие деньжищи да дуром пропадут. Разве это не грех? Что ж он-то делает? На него и смотреть?

Анисья.

Уже и сама не знаю. Измучал он меня.

Матрена.

Чего не знать-то? Дело на виду. Промашку теперь сделаешь, век каяться будешь. Передаст он сестре деньги, а ты оставайся.

Анисья.

О-ох, и то посылал ведь за ней, – итти надо.

Матрена.

А ты погоди ходить, а первым делом самоварчик поставь. Мы его чайком попоим да деньги вдвоем поищем – дошупаемся, небось.

Анисья.

О-о! Как бы чего не было.

Матрена.

А то что ж? Что смотреть-то. Что ж ты деньги-то только глазами поваляешь, а в руки не попадут? Ты делай.

Анисья.

Так я пойду самовар поставлю.

Матрена.

Иди, ягодка, дело делай как надо, чтоб после не тужить. Так-то. (*Анисья отходит, Матрена подзывает.*) Одно дело: Микитке не сказывай про все дела. Он дурашный. Избави Бог, узнает про порошки. Он Бог знает что сделает. Жалостлив он очень. Он, ведашь, и курицы, бывало, не зарежет. Не сказывай ему. Беда, он того не рассудит. (*Останавливается в ужасе, на пороге показывается Петр.*)

ЯВЛЕНИЕ IX.

Те же и Петр (*держась за стенку, выползает на крыльцо и кличет слабым голосом*).

Петр.

Что ж вас не дозовешься. О-ох! Анисья, кто здесь? (*Падает на лавку.*)

Анисья (*выходит из-за угла*).

Чего вылез? Лежал бы, где лежал.

Петр.

Что, за Марфой ходила девка-то?.. Тяжко... Ох, хоть бы смерть скорее!..

Анисья.

Недосуг ей, я ее на речку послала. Дай срок, управлюсь, сама схожу.

Петр.

Анютку пошли. Где она? Ох, тяжело! Ох, смерть моя!

Анисья.

Я и то послала за ней.

Петр.

Ох! Где ж она?

Анисья.

Где она там, пралик ее расшиби?

Петр.

Ох, мочи моей нет. Сожгло нутро. Ровно буравцом сверлит. Что ж меня бросили как собаку... и напиться подать некому... Ох... Анютку пошли ко мне..

Анисья.

Вот она. Анютка, иди к отцу.

ЯВЛЕНИЕ X.

Те же и Анютка (вбегает. Анисья уходит за угол).

Петр.

Поди ты... ох... к тетке Марфе, скажи: отец, мол, зовет, пришла чтоб, нужно мне.

Анютка.

Ну что ж.

Петр.

Постой. Скорее нужно, скажи. Скажи – помирать хочу. О-ох...

Анютка.

Только платок возьму, а я сейчас. (*Убегает.*)

ЯВЛЕНИЕ XI.

Петр, Анисья и Матрена

Матрена (*подмигивая*).

Ну, деушка, дело свое помни. Иди в избу, везде ошарь. Ищи, как собака блох ищет; всё перебери, а я на нем обыщу.

Анисья (*к Матрене*).

Сейчас. Всё с тобой смелей как будто. (*Подходит к крыльцу. К Петру.*) Самовар не поставить ли тебе? И тетка Матрена к сыну пришла, – с ней попьете.

Петр.

Что ж, поставь.

ЯВЛЕНИЕ XII.

Петр и Матрена. (*Матрена подходит к крыльцу.*)

Петр.

Здорово.

Матрена.

Здравствуй, благодетель. Здравствуй, касатик. Хвораешь, видно, всё. И старик мой как жалеет. Поди, говорит, проведай. Поклон прислал. (*Еще раз кланяется.*)

Петр.

Помираю я.

Матрена.

И то, посмотрю на тебя, Игнатьич, не по лесу, видно, а по людям боль-то ходит. Исчадел, исчадел ты весь, сердечный, погляжу на тебя. Не красит, видно, хворь-то.

Петр.

Пришла смерть моя.

Матрена.

Что ж, Петр Игнатьич, Божья воля, сообщили, особоруют, Бог даст; баба у тебя, слава Богу, умная, и похоронят и помянут, всё честь честью. И мой сыночек тоже, поколе что, по дому хлопотать будет.

Петр.

Приказать некому! Необстоятельна баба, глупостями занимается, ведь всё знаю я... знаю... Девка дурковата, да и млада. Дом собирал, а обдумать некому. Жаль тоже. (*Хнычет.*)

Матрена.

Что ж, коли деньги или что, приказать можно...

Петр (к Анисье в сенцы).

Пошла, что ль, Анютка-то?

Матрена (в сторону).

Ишь, вспомнил.

Анисья (из сеней).

В ту же пору пошла. Иди в избу-то что ль, я проведу.

Петр.

Дай посижу напоследях. Дух тяжкий там. Тяжко мне... Ох, сожгло сердце всё... Хоть бы смерть...

Матрена.

Бог души не вынет, сама душа не выйдет. В смерти и животе Бог волен, Петр Игнатьич. Тоже и смерти не угадаешь. Бывает, и поднимешься. Так-то вот у нас в деревне мужик совсем уж было помирал...

Петр.

Нет. Чую я, что нынче помру, чую. *(Прислоняется и закрывает глаза.)*

ЯВЛЕНИЕ XIII.

Те же и Анисья.

Анисья *(входит)*.

Ну что ж, пойдешь, али нет? Тебя не дожدهшься. Петра? А Петра?

Матрена *(отходит и манит к себе пальцем Анисью)*.

Ну что ж?

Анисья *(сходит с крыльца к Матрене)*.

Нету.

Матрена.

Да ты всё ли обыскала? В полу-то?

Анисья.

И там нету. Нешто в пуньке. Вчера туда лазил.

Матрена.

Ищи, пуще всего ищи. Как языком вылижи. А я примечаю – нынче и так помереть: ноготь синий, и на лицо земля пала. Самовар-то поспел, что ль?

Анисья.

Закипать хочет.

ЯВЛЕНИЕ XIV.

Те же и Никита (*приходит с другой стороны, а если можно, приезжает на лошади к воротам; не видит Петра*).

Никита (*к матери*).

Здорово, матушка! Здоровы ли дома?

Матрена.

Слава Господу Богу, живем, пока хлеб жуем.

Никита.

Ну что, хозяин как?

Матрена.

Тише, вон он сидит. (*Показывает на крыльцо.*)

Никита.

Так что же, пуцай сидит. Мне чего?

Петр (*открывает глаза*).

Микита, а Микита, подь-ка сюда. (*Никита подходит, Анисья шепчется с Матреной.*)

Петр.

Что рано приехал?

Никита.

Допахал.

Петр.

За мостом полоску пахал?

Никита.

Туда далече ехать.

Петр.

Далече? Из дома дальше. За нарочным поедешь. Заодно бы. (*Анисья, не показываясь, прислушивается.*)

Матрена (*подходит*).

Ах, сынок, что ж так хозяину не стараешься? Хозяин хворый, на тебя надеется, ты должен как отцу родному, жилы вытягивай, а служи. Так я тебе приказывала.

Петр.

Так ты того, ох!.. картошки повытаскай, бабы... о!.. переберут.

Анисья (*про себя*).

Как же, и пошла я. Опять от себя всех услать хочет; должно, на нем теперь деньги-то. Куда-нибудь схоронить хочет.

Петр.

А то, о-ох!.. сажать время придет, а они попрели. Ох, мочи нет. (*Поднимается.*)

Матрена (*вбегает на крыльцо, поддерживает Петра*).

Аль в избу свести?

Петр.

Сведи. (*Останавливается.*) Микита!

Никита (*сердито*).

Чего еще?

Петр.

Не увижу тебя... Помру нынче... Прости меня, Христа ради, прости, когда согрешил перед тобой... Словом и делом, согрешил когда... Всего было. Прости.

Никита.

Что ж прощать, мы сами грешные.

Матрена.

Ах, сынок, – ты чувствуй.

Петр.

Прости, Христа ради. *(Плачет.)*

Никита *(сопит)*.

Бог простит, дядя Петр. Что ж, мне на тебя обижаться нечего. Я от тебя худого не видал. Ты меня прости. Может, я виноватее перед тобою. *(Плачет. Петр, хныкая, уходит. Матрена поддерживает его.)*

ЯВЛЕНИЕ XV.

Никита и Анисья.

Анисья.

О, головушка моя бедная! Неспроста он это. Задумал, видно, что. *(Подходит к Никите.)* Что ж, ты сказывал, что деньги в полу, – нету там.

Никита *(не отвечает, плачет)*.

Я от него худого, окромя хорошего, ничего не видал. А я вот что сделал!

Анисья.

Ну, буде. Деньги-то где?

Никита *(сердито)*.

А кто его знает. Ищи сама.

Анисья.

Что больно жалостлив?

Никита.

Жалко мне его. Как жалко его! Заплакал как! Э-эх!

Анисья.

Вишь, жалость напала, есть кого жалеть! Он тебя собачил, собачил, и сейчас приказывал, чтоб согнать тебя со двора долой. Ты бы меня пожалел.

Никита.

Да что тебя жалеть-то?

Анисья.

Помрет, деньги скроет...

Никита.

Небось, не скроет...

Анисья.

Ох, Никитушка! За сестрой ведь послал, ей отдать хочет. Беда наша, как нам жить будет, как он деньги отдаст. Ссунут они меня со двора! Уж ты бы похлопотал. Ты сказывал, в пуньку вечер лазял он?

Никита.

Видел, он оттель идет, а куда сунул, кто его знает.

Анисья.

О, головушка, пойду там поищу.

ЯВЛЕНИЕ XVI.

Те же и Матрена (*выходит из избы, спускается к Анисье и Никите шопотом*).

Матрена.

Никуда не ходи, деньги на нем, я ошупала, на гайтане они.

Анисья.

О, головушка моя бедная!

Матрена.

Теперь сморгаешь, ищи тогда на орле – на правом крыле. Сестра придет – и прощайся.

Анисья.

И то придет, отдаст ей. Как быть-то? О, головушка!

Матрена.

Как быть-то? А ты смотри сюда. Самовар-то вскипел, поди ты завари чайку да налей ему (*шопотом*), да из грамотки-то всю высыпь да попой его. Выпьет чашку, тогда и тащи. Небось, не расскажет.

Анисья.

О, боязно!

Матрена.

Ты это не толкуй, живо делай, а я сестру-то постерегу, коли что. Оплочки не давай. Тащи деньги да и неси сюда, а Микита схоронит.

Анисья.

О, головушка! Как приступиться-то и... и...

Матрена.

Говорю, не толкуй; делай, как велю. Микита!

Никита.

Чего?

Матрена.

Ты тут постой, посиди на завалинке, коли что, дело будет.

Никита (*махая рукой*).

Уж эти бабы придумают. Окончательно завертят. Ну вас совсем! Пойти и то – картошки повытаскать.

Матрена (*останавливает его за руку*).

Говорю, постой.

ЯВЛЕНИЕ XVII.

Те же и Анютка (*входит*).

Анисья.

Ну, что?

Анютка.

Она у дочери на огороде была, сейчас придет.

Анисья.

Придет она, что делать будем?

Матрена (*Анисье*).

Поспешь, делай, что велю.

Анисья.

Уж сама не знаю – не знаю ничего, в уме смешалось. Анютка Иди, донюшка, к телятам, разбежались. Ох, не насмелюсь.

Матрена.

Иди, что ль, самовар ушел, я чай.

Анисья.

Ох, головушка моя бедная! (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ XVIII.

Матрена и Никита.

Матрена (*подходит к сыну*).

Так-то, сынок. (*Садится рядом с ним на завалинку.*) Дело твое тоже обдумать надо, а не как-нибудь.

Никита.

Да какое дело-то?.

Матрена.

А то дело, как тебе на свете прожить.

Никита.

Как на свете прожить? Люди живут, так и я.

Матрена.

Старик-то, должно, нынче помрет?

Никита.

Помрет, царство небесное. Мне-то что?

Матрена (*всё время говорит и поглядывает на крыльцо*).

Эх, сынок! Живой живое и думает. Тут, ягодка, тоже ума надо много. Ты как думаешь, я по твоему делу по всем местам толкалась, все ляжки измызгала, об тебе хлопотамши. А ты помни, тогда меня не забудь.

Никита.

Да о чем хлопотала-то?

Матрена.

О деле о твоём, об судьбе об твоей. Загодя не похлопотать, ничего и не будет. Иван Мосеича знаешь? Я до него тоже притолчна. Зашла намереди. Я ему, ведашь, тоже дело одно

управила. Посидела, к слову разговорились. Как, говорю, Иван Мосеич, рассудить дело одно. Примерно, говорю, мужик вдовый, взял, примерно, за себя другую жену, и, примерно, только и детей, что дочь от той жены да от этой. Что, говорю, как помрет мужик этот, можно ли, я говорю, войти на вдову эту в двор чужому мужику? Можно, я говорю, этому мужику дочерей замуж отдать и самому во дворе остаться? Можно, говорит, да только надо, говорит, старанья тут много. С деньгами, говорит, можно это дело оборудовать, а без денег, говорит, и соваться нечего.

Никита (смеется).

Да уж это что говорить, только подавай им деньги-то. Денежки всем нужны.

Матрена.

Ну, ягодка, я и открылась ему во всех делах. Первым делом, говорит, надо твоему сыночку в ту деревню приписаться. На это денежки нужно, – стариков попоить. Они, значит, и руки приложат. Всё, говорит, надо с умом делать. Глянь-ка сюда (*достает из платка бумагу*). Вот и бумагу отписал, почитай-ка, ведь ты дошлый. (*Никита читает, Матрена слушает.*)

Никита.

Бумага, известно, приговор значит. Тут мудрости большой нет.

Матрена.

А ты слухай, что Иван Мосеич приказывал. Пуще всего, говорит, тетка, смотри, чтоб денежки не упустить. Не ухватит, говорит, она деньги, не дадут ей на себя зятя принять. Деньги, говорит, всему делу голова. Так мотри. Дело, сынок, доходит.

Никита.

Мне что? Деньги ее, она и хлопочи.

Матрена.

Эка ты, сынок, судишь! Разве баба может обдумать? Если что и возьмет она деньги, где ж ей обдумать, – бабье дело известно, а ты всё мужик. Ты, значит, можешь и спрятать и все такое. У тебя всё-таки ума больше, коли чего коснется.

Никита.

Эх! женское ваше понятие не обстоятельное совсем.

Матрена.

Как же необстоятельно! Ты заграбь денежки-то. Баба-то у тебя в руках будет. Если случаем и похрапывать начнет или что, ей укороту можно сделать.

Никита.

Ну вас совсем, пойду.

ЯВЛЕНИЕ XIX.

Никита, Матрена и Анисья (*выбегают бледная из избы за угол к Матрене*).

Анисья.

На нем и были. Вот они. (*Показывает под фартуком.*)

Матрена.

Давай Микитке, он схоронит. Микитка, бери, схорони куда.

Никита.

Что ж, давай.

Анисья.

О-ох, головушка, да уж я сама, что ли. (*Идет к воротам.*)

Матрена (*хватает ее за руку*).

Куда идешь? Хватятся, вон сестра идет, ему давай, он знает. Эка бестолковая!

Анисья (*останавливается в нерешительности*).

О, головушка!

Никита.

Что ж, давай, что ль, суну куда.

Анисья.

Куда сунешь-то?

Никита.

Аль робеешь? (*Смеется.*)

ЯВЛЕНИЕ XX.

Те же и Акулина (*идет с бельем*).

Анисья.

О-ох, головушка моя бедная! (*Отдает деньги.*) Микита, мотри.

Никита.

Чего боишься-то? Туда запхаю, что и сам не найду. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ XXI.

Матрена, Анисья и Акулина.

Анисья (*стоит в испуге*).

О-ох! Что как он...

Матрена.

Что ж, помер?

Анисья.

Да помер никак. Я снимала, он и не почувял.

Матрена.

Иди в избу-то, вон Акулина идет.

Анисья.

Что ж, я нагрешила, а он да что с деньгами...

Матрена.

Буде, иди в избу, вот и Марфа идет.

Анисья.

Ну, поверила я ему. Что-то будет. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ XXII.

Марфа, Акулина, Матрена.

Марфа (*идет с одной, Акулина с другой стороны. К Акулине*).

Я бы даве пришла, да к дочери пошла. Ну, что старик-от? Аль помирать хочет?

Акулина (*снимает белье*).

А кто его знает. Я на речке была.

Марфа (*указывая на Матрену*).

Эта чья ж?

Матрена.

А из Зуева, Микиты мать я, из Зуева, родимая. Здравствуйте. Изныл, изныл сердечный, братец-то. Сам выходил. Пошли мне, говорит, сестрицу, потому, говорит.... О! да уж не кончился ли?

ЯВЛЕНИЕ XXIII.

Те же и Анисья (*выбегают из избы с криком, хватается за столбик и начинает выть*).

О-о-о, и на кого-о-о и оставил и о-о-о и на ко-ого-о-о по-ки-нул о-о-о... вдовой горемычной... век вековать, закрыл ясны очи...

ЯВЛЕНИЕ XXIV.

Те же и кума (Кума и Матрена *подхватывают ее под руки*. Акулина и Марфа *идут в избу*. Народ *приходит*).

Один голос из народа.

Старух позвать, убирать надо.

Матрена (*засучивает рукава*).

Вода в чугуне-то есть, что ли? А то и в самоваре, я чай, есть. Не вылили. Потружусь и я.

Занавес.

—

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ.

ЛИЦА ТРЕТЬЕГО ДЕЙСТВИЯ.

Аким.

Никита.

Акулина.

Анисья.

Анютка.

Митрич – старик-работник, отставной солдат.

Кума Анисьи.

**Изба Петра. Зима. После 2-го действия прошло
9 месяцев. Анисья ненарядная сидит за станом,
ткет. Анютка на печи. Митрич, старик-работник.**

ЯВЛЕНИЕ I.

Митрич (*входит медленно, раздевается*).

О, Господи помилуй! Что ж, не приезжал хозяин-то?

Анисья.

Чего?

Митрич.

Микита-то из города не бывал?

Анисья.

Нету.

Митрич.

Загулял, видно. О, Господи!

Анисья.

Убрался на гумне-то?

Митрич.

А то как же? Всё как надо убрал, соломкой прикрыл. Я не люблю как-нибудь. О, Господи! Микола милословый! (*Ковыряет мозоли.*) А то бы пора ему и быть.

Анисья.

Чего ему торопиться. Деньги есть, гуляет с девкой, я чай...

Митрич.

Деньги есть, так чего ж не гулять. Акулина-то почто в город поехала?

Анисья.

А ты спроси ее, зачем туда нелегкая понесла.

Митрич.

В город-то зачем? В городу всего много, только бы было на что. О, Господи!

Анютка.

Я, матушка, сама слышала. Полушальчик, говорит, тебе куплю, одна дыхнуть, куплю, говорит; сама, говорит, выберешь. И убралась она хорошо как: безрукавку плисовую надела и платок французский.

Анисья.

Уж и точно девичий стыд до порога, а переступила – и забыла. То-то бесстыжая!

Митрич.

Вона! Чего стыдиться-то? Деньги есть, так и гуляй. О, Господи! Ужинать-то рано, что ли? (*Анисья молчит.*) Пойти погреться пока что. (*Лезет на печь.*) О, Господи, Матерь пресвятая Богородица, Микола угодник!

ЯВЛЕНИЕ II.

Те же и кума.

Кума (*входит*).

Не ворочался, видно, твой-то?

Анисья.

Нету.

Кума.

Пора бы. В наш трактир не заехал ли. Сестра Фекла сказывала, матушка моя, стоят там саней много из города.

Анисья.

Анютка! а Анютка!

Анютка.

Чего?

Анисья.

Сбегай ты, донюшка, в трактир, посмотри, уж не туда ли он спьяна заехал?

Анютка (*спрыгивает с печи, одевается*).

Сейчас.

Кума.

И Акулину с собой взял?

Анисья.

А то бы ехать не-зачем. Из-за нее дела нашлись. В банку, говорит, надо, получка вышла, а всё только она его путает.

Кума (*качает головой*).

Уж и что говорить. (*Молчание.*)

Анютка (*в дверях*).

А коли там, сказать что?

Анисья.

Ты посмотри только, там ли?

Анютка.

Ну что ж, я живо слетаю. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ III.

Анисья, Митрич и кума. (*Долгое молчание.*)

Митрич (*рычит*).

О, Господи, Микола милословый.

Кума (*вздрагивая*).

Ох, напугал. Это кто ж?

Анисья.

Да Митрич, работник.

Кума.

Ох, натращал как! Я и забыла. А что, кума, сказывали, сватают Акулину-то.

Анисья (*вылезает из-за стана к столу*).

Посыкнулись было из Дедлова, да видно слушок-то есть и у них, посыкнулись было, да и молчок; так и запало дело. Кому же охота?

Кума.

А из Зуева-то Лизуновы?

Анисья.

Засылка была. Да тоже не сошлось. Он и к себе не примаёт.

Кума.

А отдавать бы надо.

Анисья.

Уж как надо-то. Не чаю, кума, как со двора спихнуть, да не паит дело-то. Ему неохота. Да и ей тоже. Не нагулялся, видишь, еще с красавой-то с своей.

Кума.

И-и-и! грехи. Чего вздумать нельзя. Вотчим ведь ей.

Анисья.

Эх, кума. Оплели меня, обули так ловко, что и сказать нельзя. Ничего-то я сдуру не примечала, ничего-то я не думала, так и замуж шла. Ничегохонько не угадывала, а у них согласие уж было.

Кума.

О-о, дело-то какое!

Анисья.

Дальше – больше, вижу от меня хорониться стали. Ах, кума, и уж тошно ж мне, тошно житье мое было. Добро б не любила я его.

Кума.

Да что уж и говорить.

Анисья.

И больно ж мне, кума, от него обиду такую терпеть. Ох, больно!

Кума.

Что ж, сказывают и на руку ерзок стал?

Анисья.

Всего есть. Бывало, во хмелю смирен был. Зашибал он и допрежде того, да всё, бывало, хороша я ему была, а нынче как надуется, так и лезет на меня, стоптать ногами хочет. Намедни в косы руками увяз, насилиу вырвалась. А уж девка хуже змеи, и как только таких злющих земля родит.

Кума.

О-о-о! Кума, болезная ж ты, погляжу я на тебя! Каково ж терпеть; нищего приняла, да он над тобой так измываться будет. Ты что ж ему укороту не сделаешь?

Анисья.

Ох, кумушка милая! С сердцем своим что сделаю. Покойник на что строг был, а всё ж я как хотела, так и вертела, а тут не могу, кумушка. Как увижу его, так и сердце всё сойдет. Нет у меня против него и смелости никакой. Хожу перед ним как куренок мокрый.

Кума.

О-о, кума! Да это, видно, сделано над тобой что. Матрена-то, сказывают, этими делами занимается. Должно, она.

Анисья.

Да уж я и сама, кума, думаю. Ведь как обидно другой раз. Кажется, разорвала б его. А увижу его, – нет, не поднимается на него сердце.

Кума.

Видимое дело, напущено. Долго ль, матушка моя, испортить человека. То-то погляжу я на тебя, куда что делось.

Анисья.

Вовсе в лутошку ноги сошлись. А на дуру-то, на Акулину, погляди. Ведь растрепана девка, нехалявая, а теперь погляди-ка. Откуда что взялось. Да нарядил он ее. Расфуфырилась, раздулась, как пузырь на воде. Тоже, даром что дура, забрала себе в голову: я, говорит, хозяйка. Дом мой. Батюшка на мне его и женить хотел. А уж зла, Боже упаси. Разозлится, с крыши соломой роет.

Кума.

О-ох, житье твое, кума, погляжу. Завидуют тоже люди. Богаты, говорят. Да видно, матушка моя, и через золото слезы льются.

Анисья.

Есть чему завидовать. Да и богатство-то всё так прахом пройдет. Мотает денежки, страсть.

Кума.

Да что ж ты, кума, больно просто пустила? Деньги твои.

Анисья.

Кабы ты всё знала. А то сделала я промашку одну.

Кума.

Я бы, кума, на твоём месте прямо до начальника до большого дошла. Деньги твои. Как же он может мотать? Таких прав нет.

Анисья.

На это нынче не взирают.

Кума.

Эх, кума, посмотрю я на тебя. Ослабла ты.

Анисья.

Ослабла, милая, совсем ослабла. Замотал он меня. И сама ничего не знаю. О-о, головушка моя бедная!

Кума.

Никак идет кто? *(Прислушивается. Отворяется дверь, и входит Аким.)*

ЯВЛЕНИЕ IV.

Те же и Аким.

Аким (*крестится, обивает лапти и раздевается*).

Мир дому сему. Здорово живете? Здорово, тетинька.

Анисья.

Здорово, батюшка. Из двора, что ль? Проходи, раздевайся.

Аким.

Думал, тае, дай, значит, схожу, тае, к сынку, к сынку пройду. Не рано пошел, пообедал, значит, пошел; ан снежно как, тае, тяжело, итти, тяжело, вот и, тае, запоздал, значит. А сынок дома? Дома сынок то есть?

Анисья.

Нетути; в городе.

Аким (*садится на лавку*).

Дельце до него, то есть, тае, дельце. Сказывал, значит, ему намедни, тае, значит, об нужде сказывал, лошаденка извелась, значит, лошаденка-то. Объегорить, тае, надоть, лошаденку-то какую ни на есть, лошаденку-то. Вот и, тае, пришел, значит.

Анисья.

Сказывал Микита. Приедет, потолкуете. (*Встает к печи.*) Поужинай, а он подъедет. Митрич, иди ужинать, а Митрич?

Митрич (*рычит, просыпается*).

Чего?

Анисья.

Ужинать.

Митрич.

О, Господи, Микола милослевый!

Анисья.

Иди ужинать.

Кума.

Я пойду. Прощайте. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ V.

Аким, Анисья и Митрич.

Митрич (*слезает*).

И не видал, как заснул. О, Господи, Микола угодник! Здорово, дядя Аким.

Аким.

Э! Митрич! Ты что же, значит, тае?

Митрич.

Да вот в рабочих, у Никиты, у сына у твоего, живу.

Аким.

Ишь ты! Значит, тае, в рабочих у сына-то. Ишь ты!

Митрич.

То в городе жил у купца, да пропился там. Вот и пришел в деревню. Причалу у меня нет, ну и нанялся. (*Зекает.*) О, Господи!

Аким.

Что ж, тае, али, тае, Микишка-то что делает? Дело, значит, еще какое, что рабочего, значит, тае, рабочего нанял?

Анисья.

Какое ему дело? То управлялся сам, а нынче не то на уме, вот и работника взял.

Митрич.

Деньги есть, так что ж ему...

Аким.

Это, тает, напрасно. Вот ото совсем, тает, напрасно. Напрасно это. Баловство, значит.

Анисья.

Да уж избаловался, избаловался, что и беда.

Аким.

То-то, тает, думается, как бы получше, тает, а оно, значит, хуже. В богатстве-то избалуются человек, избалуются.

Митрич.

С жиру-то и собака бесится. С жиру как не избаловаться! Я вон с жиру-то как крутил. Три недели пил без просыпу. Последние портки пропил. Не на что больше, ну и бросил. Теперь зарекся. Ну ее.

Аким.

А старуха-то, значит, твоя где же?..

Митрич.

Старуха, брат, моя к своему месту пристроена. В городе по кабакам сидит. Щеголиха тоже – один глаз выдран, другой подбит, и морда на сторону сворочена. А тверезая, в рот ей пирога с горохом, никогда не бывает.

Аким.

О-о! Что же это?!

Митрич.

А куда же солдатской жене место? К делу своему пределена.

(Молчание.)

Аким (к Анисье).

Что ж Никита-то в город, тае, повез что, продавать, значит, повез что?

Анисья (накрывает на стол и подает).

Порожнем поехал. За деньгами поехал, в банке деньги брать.

Аким (ужинает).

Что ж вы их, тае, деньги-то куда еще пределить хотите деньги-то?

Анисья.

Нет, мы не трогаем. Только 20 или 30 рублей; вышло, так взять надо.

Аким.

Взять надо? Что ж их брать-то, тае, деньги-то? Нынче, значит, тае, возьмешь, завтра, значит, возьмешь, – так все их и, тае, переберешь, значит.

Анисья.

Это окромя получай. А деньги все целы.

Аким.

Целы? Как же, тае, целы? Ты бери их, а они, тае, целы. Как же, насыпь, ты, тае, муки, значит, и всё, тае, в рундук, тае, или амбар, да и бери ты оттуда муку-то, – что ж она, тае, цела будет? Это, значит, не тае. Обманывают они. Ты это дознайся, а то обманут они. Как же целы? Ты, тае, бери, а они целы.

Анисья.

Уж я и не знаю. Нам тогда Иван Мосеич присудил. Положите, говорит, деньги в байку – и деньги целее, и процент получать будете.

Митрич (кончил есть).

Это верно. Я у купца жил. У них всё так. Положи деньги да и лежи на печи, получай.

Аким.

Чудно, тае, говоришь ты. Как же, тае, получай, ты, тае, получай, а им, значит, тае, с кого же, тае, получать-то? Деньги-то?

Анисья.

Из банки деньги дают.

Митрич.

Это что? Баба, она раздробить не может. А ты гляди сюда, я тебе все толки найду. Ты помни. У тебя, примерно, деньги есть, а у меня, примерно, весна пришла, земля пустует, сеять нечем, али податишки, что ли. Вот я, значит, прихожу к тебе. Аким, говорю, дай красненькую, а я уберусь с поля, тебе к Покрову отдам да десятину уберу за уваженье. Ты, примерно, видишь, что у меня есть с чего потянуть: лошаденка ли, коровенка, ты и говоришь: два ли, три ли рубля отдай за уваженье, да и всё. У меня ðсел на шее, нельзя обойтись. Ладно, говорю, беру десятку. Осенью переверт делаю, приношу, а три рубля ты окроме с меня lupишь.

Аким.

Да ведь это, значит, тае, мужики кривые как-то, тае, делают, коля кто, тае, Бога забыл, значит. Это, значит, не к тому.

Митрич.

Ты погоди. Она сейчас к тому же натрафит. Ты помни. Теперича, значит, ты так-то сделал, ободрал меня, значит, а у Анисьи деньги, примерно, залежные. Ей девать некуда, да и бабье дело – не знает, куда их пределить. Приходит она к тебе; нельзя ли, говорит, и на мои деньги пользу сделать. Что ж, можно, говоришь. Вот ты и ждешь. Прихожу я опять на лето. Дай, говорю, опять красненькую, а я с уважением.... Вот ты и смекаешь: коли шкура на мне еще не ворочена, еще содрать можно, ты и даешь Анисьины деньги. А коли, примерно, нет у меня ни шиша, жрать нечего, ты, значит, разметку делаешь, видишь, что содрать нечего, сейчас и говоришь: ступай, брат, к Богу, а изыскиваешь какого другого, опять даешь и свои и Анисьины пределяешь, того обдираешь. Вот это и значит самая банка. Так она кругом и идет. Штука, брат, умственная.

Аким (разгорячась).

Да это что ж? Это, тае, значит, скверность. Это мужики, тае, делают так, мужики и то, значит, за грех, тае, почитают. Это, тае, не по закону, не по закону, значит. Скверность это. Как же ученые-то, тае...

Митрич.

Это, брат, у них самое любезное дело. А ты помни. Вот кто поглупей, али баба, да не может сам деньги в дело произвести, он и несет в банку, а они, в рот им ситного пирога с горохом, цапают да этими денежками и облупляют народ-то. Штука умственная!

Аким (вздыхая).

Эх, посмотрю я, тае, и без денег, тае, горе, а с деньгами, тае, вдвое. Как же так. Бог трудиться велел. А ты, значит, тае, положил в банку деньги, да и спи, а деньги тебя, значит, тае, поваля кормить будут. Скверность это, значит, не по закону это.

Митрич.

Не по закону? Это, брат, нынче не разбирают. А как еще околузывают-то дочиста. То-то и дело-то.

Аким (вздыхает).

Да уж, видно, время, тае, подходит. Тоже сортиры, значит, тае, посмотрел я в городе. Как дошли то есть. Выглажено, выглажено, значит, нарядно. Как трактир исделано. А ни к чему. Всё ни к чему. Ох, Бога забыли. Забыли, значит. Забыли, забыли мы Бога-то, Бога-то. Спасибо, родная, сыт, доволен.

(Вылезают из-за стола; Митрич лезет на печь.)

Анисья (убирает посуду и ест).

Хоть бы отец усовестил, да и сказывать-то стыдно.

Аким.

Чего?

Анисья.

Так, про себя.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Те же и Анютка.

(Анютка входит.)

Аким.

А! умница. Всё хлопчешь! Перезябла, я чай?

Анютка.

И то озябла страсть. Здорово, дедушка.

Анисья.

Ну, что? Тама?

Анютка.

Нету. Только Андриян там из города, сказывал, видел их еще в городе, в трактире. Батя, говорит, пьяный-распьяный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.